

ГЛАВА I

НА ЧЕРДАКЕ ЗЕЛЕННЫХ МЕЗОНИНОВ

— Какое счастье, что я покончила с геометрией! Больше мне не придется ни изучать ее, ни преподавать школьникам, — сказала Аня Ширли немного мстительным тоном. Бросив изрядно потрепанный том Евклида в большой сундук со старыми книгами, она торжествующе захлопнула крышку и, сев на нее, взглянула на Диану Райт серыми, как утреннее небо, глазами.

Чердак, где сидели подруги, был, как, вероятно, все чердаки, уютным, полутемным и наводящим на размышления местом. В открытое окно, возле которого сидела Аня, вливался сладкий, душистый, согретый солнцем воздух августовского дня, а за окном шелестели листьями и метались на ветру ветви тополей.

Сквозь них виднелся яблоневый сад, все еще сгибающийся под тяжестью своего необыкновенно щедрого румяного урожая, а еще дальше темнели леса, где пролегали волшебные извивы Тропинки Влюбленных. И над всем этим в голубом южном небе тянулась громадная горная цепь снежно-белых облаков. За другим окном можно было видеть далекое синее море в белых гребнях волн — прекрасный залив Святого Лаврентия,

на котором, как сверкающий драгоценный камень, лежит Эбигвейт, чье нежное и благозвучное индейское название давно заменили более прозаическим — остров Принца Эдуарда.

Диана Райт за три года, прошедших с тех пор, как мы видели ее в последний раз, приобрела черты почтенной замужней особы, но ее глаза оставались такими же черными и блестящими, щеки такими же розовыми, а ямочки на них такими же обворожительными, как в те далекие дни, когда она и Аня поклялись друг другу в вечной дружбе, стоя на садовой дорожке возле дома Барри. На руках Диана держала маленькое спящее чернокудрое создание, уже два года известное авонлейскому обществу как маленькая Анна Корделия. Авонлейские жители, разумеется, прекрасно понимали, почему Диана назвала свою дочку Анной, но имя Корделия вызывало немалое недоумение. Среди родных и знакомых Райтов и Барри никогда не было ни одной Корделии. Миссис Эндрюс высказывала предположение, что это имя было взято Дианой из какого-нибудь низкопробного романа, и удивлялась, что у Фреда не хватило здравого смысла, чтобы воспрепятствовать этому. Но Диана и Аня только улыбались друг другу, слыша такие речи. Они-то знали, почему маленькая Анна Корделия получила такое имя.

— Ты всегда терпеть не могла геометрию, — сказала Диана с улыбкой. — Да и вообще, ты, наверное, безмерно рада, что работа в школе теперь позади.

— О, мне всегда нравилось преподавать... если, конечно, не считать геометрии. Последние три года в Саммерсайде прошли очень приятно. Миссис Эндрюс даже сочла необходимым предупредить меня, когда я вернулась в Авонлею, что, скорее всего, супружество не покажется мне, вопреки моим надеждам, на-

много легче работы в школе. Очевидно, миссис Эндрюс вслед за Гамлетом полагает, что уж лучше терпеливо сносить привычные невзгоды и беды, чем бросаться навстречу новым, о которых нам ничего еще не известно¹.

И Анин смех, такой же беспечный и неудержимый, как в давние дни, но с новообретенной мелодичностью и глубиной звука, огласил старый чердак. Внизу, в кухне, Марилла, варившая варенье из синих слив, услышала его и улыбнулась, но тут же вздохнула, подумав, как редко теперь будет звенеть этот смех в Зеленых Мезонинах. Никогда за всю ее жизнь ничто не принесло Марилле столько радости, сколько известие о том, что Аня станет женой Гилберта Блайта. Но всякая радость неизбежно несет с собой и легкую тень печали. На протяжении трех саммерсайдских лет Аня часто приезжала домой на каникулы и выходные дни, но после свадьбы два визита в год — это все, на что можно надеяться.

— Пусть тебя не тревожит то, что говорит миссис Эндрюс, — сказала Диана со спокойной самоуверенностью матроны, обладающей четырехлетним опытом. — В супружеской жизни есть, конечно, и взлеты, и падения. Не следует ожидать, что все и всегда будет идти гладко. Но я могу заверить тебя, Аня, что это счастливая жизнь, если ты замужем именно за таким человеком, какой тебе нужен.

Аня постаралась подавить улыбку. Ее всегда немного сместило то, что Диана держится с важностью многоопытной особы.

«Что ж, быть может, я тоже буду напускать на себя такую же важность после четырех лет замужества, — подумала она. — Впрочем, мое чувство юмора, скорее всего, предохранит меня от этого».

---

¹ Перефразированные слова из трагедии У. Шекспира «Гамлет».

— Уже решено, где вы будете жить? — спросила Диана, прижимая к себе маленькую Корделию неподражаемым материнским жестом, всегда вызывавшим трепет в Анином сердце, полном невыразимо приятных мечтаний и надежд, — трепет, который был отчасти подлинным наслаждением, а отчасти странной, едва ощутимой болью.

— Да. Как раз об этом я и хотела поговорить, когда позвонила тебе сегодня по телефону и попросила зайти к нам под вечер. К слову сказать, я никак не могу привыкнуть к мысли, что у нас в Авонлее теперь есть телефоны. Для такого милого, тихого уголка, как наш, это так до нелепости современно и новомодно.

— Мы должны благодарить за это Общество Содействия Развитию Авонлеи, — заметила Диана. — У нас никогда не появилась бы телефонная линия, если бы они не занялись этим делом. Возражений было вполне достаточно, чтобы охладить пыл любых энтузиастов. Но они все же настояли на своем. Ты сделала замечательный подарок Авонлее, Аня, когда основала это Общество. Как весело проводили мы время на наших собраниях! А разве можно забыть синий клуб или ту историю с планом Джадсона Паркера расписать свой забор рекламой патентованных лекарств?

— Не знаю, действительно ли я испытываю только благодарность к нашему Обществу в деле с телефонизацией, — сказала Аня. — Конечно, это чрезвычайно удобно, куда удобнее нашего старого изобретения — сигналить друг другу вспышками свечи! К тому же, как говорит миссис Линд, «Авонлея должна идти в ногу с прогрессом, вот что я вам скажу». Но почему-то у меня такое чувство, словно мне не хочется, чтобы Авонлея была испорчена тем, что мистер Харрисон, когда пытается сосритель, называет «всеми современными неудоб-

ствами». Мне хотелось бы навсегда сохранить ее такой, какой она была в старые добрые времена. Это глупо... и сентиментально... и нереально! Так что я немедленно становлюсь мудрой, практичной и реалистичной. Телефон, как признает даже мистер Харрисон, — «сногшибательно хорошая штука»... даже если знаешь, что, по всей вероятности, на линии тебя подслушивает не менее полудюжины заинтересованных лиц.

— Вот это-то хуже всего, — вздохнула Диана. — Так неприятно слышать звук снимаемых телефонных трубок, когда с кем-нибудь разговариваешь... Говорят, миссис Эндрюс настояла на том, чтобы их телефон стоял в кухне, где она может слышать его, когда бы он ни зазвонил, и одновременно приглядывать за готовящимся обедом. Сегодня, когда ты звонила мне, я ясно слышала бой этих необычных часов, которые стоят у Паев. Так что нас, без сомнения, подслушивала Джо-зи или Герти.

— Так вот почему ты сказала: «У вас в Зеленых Мезонинах новые часы, да?» Я никак не могла догадаться, что ты имела в виду. Но как только ты это сказала, я услышала сильный щелчок. Вероятно, это была повешена с бешеной силой трубка Паев. Но не стоит обращать внимание на Паев. Как говорит миссис Линд, «Паями они всегда были, Паями и останутся на веки вечные, аминь». Я хочу поговорить о более приятных вещах. Теперь уже окончательно решено, где мы будем жить.

— Ах, Аня, где? Я так надеюсь, что близко отсюда...

— Не-эт. И это, конечно, недостаток нашего нового дома. Гилберт собирается устроить нас в гавани Четырех Ветров — это за шестьдесят миль отсюда.

— Шестьдесят! Для меня что шестьдесят, что шестьсот, — вздохнула Диана. — Я теперь никогда не могу выбраться дальше Шарлоттауна.

— Но ты должна будешь приехать в Четыре Ветра. Это самая красивая гавань на нашем острове. Там, в маленькой деревне — она называется Глен¹ Святой Марии, — пятьдесят лет практиковал доктор Дэвид Блайт. Это двоюродный дедушка Гилберта. Теперь он собирается уйти на покой, а Гилберту предстоит принять на себя обязанности местного врача. Однако доктор Блайт по-прежнему будет жить в своем доме, так что нам придется подыскать себе другое жилье. Я еще не знаю, что это будет и где, но в воображении у меня есть свой маленький Домик Мечты со всей обстановкой — крошечный, прелестный воздушный замок.

— А куда вы отправляетесь в свадебное путешествие? — спросила Диана.

— Никуда. Не смотри на меня с таким ужасом, Диана, дражайшая, а то мне сразу вспоминается миссис Эндрюс. Она, без сомнения, заметит снисходительно, что люди, которые не могут позволить себе расходы, связанные со свадебным путешествием, поступают вполне разумно, если отказываются от него, а потом обязательно напомнит мне, что Джейн ездила после свадьбы в Европу. Но я хочу провести мой медовый месяц в Четырех Ветрах, в моем собственном дорогом Доме Мечты.

— И ты твердо решила не иметь на свадьбе ни одной подружки?

— Ни одной. Ты и Фил, и Присилла, и Джейн — все опередили меня в том, что касается замужества, а Стелла так далеко — она преподает в Ванкувере. Ни одной другой родственной души у меня нет, а я не хочу иметь подружку, которая не является такой душой.

---

¹ Глен — узкая лесистая долина.

— Но вуаль-то на тебе будет? — спросила Диана обеспокоенно.

— Всенепременно! Без нее я не чувствовала бы себя невестой. Помню, как я говорила Мэтью в тот вечер, когда он привез меня в Зеленые Мезонины, что не надеюсь когда-либо стать невестой, ведь я такая некрасивая, что никто никогда не захочет на мне жениться — разве только какой-нибудь миссионер, отправляющийся в далекие страны обращать язычников в истинную веру. По моим тогдашним представлениям, миссионеры не могли позволить себе быть особенно привередливыми в том, что касается внешности, раз уже они хотят, чтобы девушки рисковали жизнью, отправляясь вместе с ними к людоедам. Но видела бы ты миссионера, за которого вышла Присилла! Он был не менее красив и загадочен, чем те создания нашего воображения, за которых мы с тобой, Диана, сами когда-то мечтали выйти замуж. Более красиво одетого мужчины я не встречала. И он восторгался «неземной, золотой красотой» Присиллы. Но, конечно, в Японии нет никаких людоедов.

— Во всяком случае, твое свадебное платье — просто мечта, — восхищенно вздохнула Диана. — Ты в нем как настоящая королева — такая высокая и стройная. Как ты ухитряешься оставаться такой стройной, Аня? А я все толстею — скоро у меня совсем не будет талии.

— Полнота или стройность — это, судя по всему, вопрос, где все решает судьба, — сказала Аня. — Как бы то ни было, миссис Эндрюс не может сказать тебе то, что сказала мне, когда я вернулась домой из Саммерсайда: «А ты, Аня, все такая же тощая». «Стройная» звучит весьма романтично, но «тощая» имеет совсем другой оттенок.

— Миссис Эндрюс все толкует о твоём приданом. Она признает, что оно ничуть не хуже, чем у Джейн,

хотя — так она говорит — Джейн вышла за миллионера, а ты всего лишь за «бедного доктора без гроша за душой».

Аня засмеялась.

— Мои платья действительно хороши. Я люблю красивую одежду. Помню мое первое красивое платье — из коричневой глории. Мэтью подарил мне его на Рождество, перед нашим школьным концертом. Все, что я носила до того, было такое некрасивое. В тот вечер мне казалось, что я вступила в новый мир.

— Это был тот вечер, когда Гилберт декламировал «Бинген на Рейне» и смотрел на тебя, произнося: «Здесь есть другая, не сестра...» И ты была в таком гневе из-за того, что он подобрал и положил в свой нагрудный карман бумажную розу, которая упала у тебя с головы, когда ты убежала со сцены после диалога фей! Ты тогда и предположить не могла, что когда-нибудь выйдешь за него замуж.

— Что ж, это еще один случай, где все решила судьба, — засмеялась Аня, спускаясь вместе с Дианой по чердачной лестнице.

ГЛАВА 2

ДОМ МЕЧТЫ

Еще никогда за всю историю Зеленых Мезонинов здесь не царил такое волнение. Даже Марилла была так возбуждена, что не могла скрыть этого, — нечто почти невероятное, учитывая ее обычную сдержанность.

— В этом доме никогда не было свадьбы, — говорила она миссис Рейчел Линд, как бы извиняясь. — В детстве я слышала, как один старый священник говорил, что дом нельзя назвать настоящим домом, пока

он не освящен рождением, свадьбой и смертью. Смерти здесь были — здесь умер не только Мэтью, но и мои родители. И даже роды здесь были. Очень давно, сразу после того, как мы въехали в этот дом, у нас какое-то время был женатый батрак, и его жена родила здесь ребеночка. Но свадьбы здесь еще никогда не было... Как подумаешь, это так странно, что Аня выходит замуж. В какой-то степени она до сих пор кажется мне той маленькой девочкой, которую Мэтью привез сюда четырнадцать лет назад. Я все никак не могу до конца осознать, что она выросла. Никогда не забуду, что я почувствовала, когда увидела, как Мэтью вводит в дом *девочку*. Интересно, что стало с тем мальчиком, которого мы взяли бы на воспитание, если бы не произошла ошибка. Хотела бы я знать, как сложилась *его* судьба.

— Это была счастливая ошибка, — сказала миссис Линд, — хотя, заметь, было время, когда я думала иначе, — в тот вечер — помнишь? — когда я зашла посмотреть на Аню, а она устроила нам такую сцену! Многое изменилось с тех пор, вот что я вам скажу.

Миссис Линд вздохнула, а затем снова оживилась. Когда предстояло такое приятное событие, как свадьба, миссис Линд была готова предать прошлое забвению.

— Я собираюсь подарить Ане два из моих хлопчатых вязаных одеял, — продолжила она. — Одно в «табачную полоску», а другое — с узором из листьев яблони. Она говорит, что вязаные одеяла опять в моде. Ну, в моде они или нет, а я не верю, что для кровати в комнате для гостей можно найти что-либо наряднее, чем красивое одеяло с узором из листьев яблони, вот что я вам скажу. Но мне надо позаботиться о том, чтобы они были хорошо отбелены. Они у меня зашиты в полотняные мешки, еще с тех пор как Томас умер, и на-

верняка ужасно пожелтели. Но впереди еще целый месяц, а отбеливание на солнце творит настоящие чудеса.

Только месяц! Марилла вздохнула, а затем сказала с гордостью:

— А я даю Ане полдюжины плетеных ковриков, которые лежат у меня на чердаке. Я и не предполагала, что она захочет их взять, — они такие старомодные, и никто, похоже, уже не признает ничего другого, кроме вязанных крючком половиков. Но она попросила их у меня — сказала, что предпочла бы накрыть полы в своем доме именно такими ковриками. Они действительно очень красивы. Я взяла для них самые хорошие обрезки ткани и сплела их так, что полосы разного цвета чередуются. А еще я наварю ей варенья из синих слив — им на целый год хватит!.. Так странно! Эти сливовые деревья три года даже не цвели — я думала, их вполне можно срубить. А этой весной они стояли все белые, и я даже не припомню, чтобы когда-нибудь в Зеленых Мезонинах был такой урожай слив.

— Ну, слава Богу, что Аня и Гилберт все-таки поженятся. Именно об этом я всегда молилась, — сказала миссис Линд тоном человека, вполне уверенного в том, что его молитвы очень помогли. — Я вздохнула с облегчением, когда узнала, что на самом деле она не собиралась за этого молодого человека из Кингспорта. Конечно, он был богат, а Гилберт беден — по крайней мере, на первых порах, — но зато он с нашего острова.

— Он Гилберт Блайт, — сказала Марилла с удовлетворением. Марилла скорее умерла бы, чем выразила в словах ту мысль, которая всегда, с самого раннего детства Гилберта, тайно присутствовала в ее уме, когда она смотрела на него, — мысль о том, что если бы не ее собственное упрямство и гордость в далекие дни юности, это мог бы быть *ее* сын. У Мариллы было такое

чувство, словно брак Гилберта и Ани каким-то чудесным образом исправлял эту старую ошибку.

Что же до самой Ани, то она была так счастлива, что это почти пугало ее. Боги — так утверждает старинное поверье — не любят смотреть на слишком счастливых смертных. Неоспоримо по меньшей мере то, что смотреть на чужое счастье не любят некоторые человеческие существа. Двое из этой породы людей нагрянули к Ане в тихие лиловые сумерки с намерением сделать все от них зависящее, чтобы мыльный пузырь ее радужных надежд наконец лопнул. Если она думает, что получает какое-то особенное сокровище в Гилберте Блайте, или воображает, что он по-прежнему так же безумно влюблен в нее, как это, возможно, было в дни его зеленой юности, то, разумеется, их долг — представить ей положение дел в ином свете. Однако эти две достойные особы отнюдь не были Аниными врагами; напротив, они любили ее и выступили бы в ее защиту, как в защиту собственного чада, если бы кто-нибудь другой вздумал обрушиться на нее с нападками. Человек не обязан во всем быть последовательным.

Миссис Инглис — *née*¹ Джейн Эндрюс, если цитировать колонку светской хроники в «Дейли Энтерпрайз», — пришла вместе со своей матерью и миссис Белл. Но в Джейн «млеко человеческой доброты»² не было сквашено годами супружеских перебранок. Ей на долю выпал счастливый удел. *Вопреки* тому обстоятельству — как сказала бы миссис Рейчел Линд, — что она вышла замуж за миллионера, ее брак оказался удачным. Богатство не испортило ее. Это была все та же

---

¹ *Née* — урожденная (франц.).

² Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет». (Выражение означает «внимание, сочувствие к другим людям».)

спокойная, дружелюбная, розовощекая Джейн из их школьной четверки, радующаяся счастью своей давней подруги и так живо интересующаяся мельчайшими подробностями, касающимися Аниного приданого, как если бы оно могло равняться с ее собственным шелковым, разукрашенным драгоценностями великолепием. Джейн не блистала умом и, вероятно, ни разу за всю свою жизнь не высказала ни одного замечания, заслуживающего того, чтобы выслушать его со вниманием; но вместе с тем она никогда не сказала ни одного слова, которое ранило бы чьи-либо чувства, что, быть может, является талантом пассивным, но тем не менее редким и завидным.

— Значит, Гилберт все-таки не нарушил обещания жениться на тебе, — сказала миссис Эндрюс, ухитрившись выразить своим тоном некоторое удивление. — Да, Блайты, как правило, если уж дали слово, так держат его, что бы ни случилось. Постой-ка... тебе двадцать пять, да, Аня? Когда я была девушкой, двадцать пять считалось первым критическим моментом. Но ты выглядишь довольно молодо. С рыжими всегда так.

— Рыжие волосы теперь в моде, — сказала Аня, пытаясь улыбнуться, но все же довольно холодно. Жизнь развила в ней чувство юмора, позволившее преодолеть немало трудностей, но до сих пор ничто не помогло ей приучить себя хладнокровно выслушивать упоминания о ее волосах.

— Да, это так... это так, — согласилась миссис Эндрюс. — Никогда не знаешь, каких еще странных капризов ждать от моды... Ну, Аня, все вещи у тебя очень красивые и вполне соответствуют твоему положению в обществе, правда, Джейн? Надеюсь, ты будешь очень счастлива. Я, во всяком случае, желаю тебе всего наилучшего. Долгая помолвка нечасто кончается хорошо.

Но, конечно, в вашем случае этого трудно было избежать.

— Гилберт выглядит слишком молодо. Боюсь, пациенты не очень-то будут ему доверять, — сказала миссис Белл и плотно сжала губы, словно сказала то, что считала своим долгом сказать, и теперь знала, что совесть ее чиста. Она принадлежала к тому типу женщин, на шляпе у которых всегда жиденькое черное перо, а на шее выбившиеся из прически пряди волос.

Радость, которую доставляло Ане ее красивое приданое, была временно омрачена, но глубины счастья в ее душе невозможно было возмутить такими пустяками, и мелкие уколы миссис Белл и миссис Эндрюс быстро забылись, когда спустя несколько часов приехал Гилберт и вдвоем они отправились к березам у ручья. Эти березы были молоденькими деревцами, когда Аня впервые приехала в Зеленые Мезонины, но теперь они казались высокими колоннами цвета слоновой кости в сказочном дворце из сумерек и звезд. В тени этих берез Аня и Гилберт говорили в обычной манере всех влюбленных о своем новом доме и своей новой совместной жизни.

— Я нашел гнездышко для нас.

— Ах, где? Не в самой деревне, надеюсь? Мне совсем не хотелось бы жить там.

— Нет. В деревне не нашлось подходящего дома. Мы поселимся в маленьком белом домике на берегу гавани, на полпути между Гленом Святой Марии и мысом Четырех Ветров. Немного на отшибе, но, когда мы установим телефон, это не будет иметь такого уж большого значения. Местность очень красивая. Дом обращен фасадом на закат, а перед домом огромная голубая гавань. Неподалеку песчаные дюны — их обдувают морские ветры и смачивают соленые брызги моря.

— Но сам дом, Гилберт, наш первый дом, какой он?

— Не очень большой, но достаточно просторный для нас. Внизу великолепная гостиная с камином, столовая, окна которой выходят на гавань, и маленькая комнатка — она подойдет для моей приемной. Домику лет шестьдесят — самый старый дом в Четырех Ветрах. Но он в прекрасном состоянии и был полностью отремонтирован лет пятнадцать назад — черепица, штукатурка, новые полы... Это с самого начала была хорошая постройка. Как я понял, с его строительством связана какая-то романтическая история, но тот человек, с которым я заключал договор об аренде, не знает ее. Он сказал, что капитан Джим — единственный, кто мог бы пролить на нее свет.

— Кто такой капитан Джим?

— Смотритель маяка на мысе Четырех Ветров. Ты полюбишь этот маяк, Аня. Он вращающийся и мигает в сумерках, словно великолепная звезда. Его видно из окон нашей гостиной и через парадную дверь.

— А кому принадлежит дом?

— Теперь это собственность местной пресвитерианской церкви, и я снял его у попечительского комитета. Но до недавнего времени он принадлежал одной очень старой леди — мисс Элизабет Рассел. Она умерла прошлой весной и, так как не имела никаких близких родственников, завещала его церкви. Мебель мисс Рассел все еще стоит в доме, и я купил большую часть ее — купил за бесценок, так как она до того старомодная, что попечители потеряли всякую надежду кому-нибудь ее продать. Но мебель мисс Рассел очень хороша, и я уверен, что тебе она понравится.

— Пока все хорошо, — сказала Аня, выразив кивком осторожное одобрение. — Но, Гилберт, люди не

могут жить одной мебелью. Ты до сих пор не упомянул об одном очень важном обстоятельстве. Есть ли возле дома *деревья*?

— О дриада, их великое множество! За домом еловый лесок, вдоль дорожки, ведущей к дому, два ряда ломбардских тополей, а вокруг прелестного сада кольцо белых берез. Наша парадная дверь открывается прямо в сад, но есть и другой вход — маленькая калитка, висящая между двумя пихтами. Петли на одном стволе, щеколда — на другом, а сучья образуют арку над головой.

— Ах, как я рада! Я не смогла бы жить там, где совсем нет деревьев, — что-то жизненно важное во мне было бы лишено пищи... Ну после этого не стоит и спрашивать у тебя, есть ли там поблизости ручей. Это было бы чрезмерное требование.

— Но там *есть* ручей, и он даже пересекает угол нашего сада.

— Тогда, — сказала Аня с глубоким вздохом величайшего удовлетворения, — дом, который ты нашел, — не что иное, как мой Дом Мечты!

ГЛАВА 3

В КРАЮ ГРЕЗ И ВОСПОМИНАНИЙ

— Ты уже решила, Аня, кого позовешь на свадьбу? — спросила миссис Линд, прилежно вышивающая мережкой столовые салфетки. — Пора бы тебе разослать приглашения.

— Я не собираюсь звать много гостей, — сказала Аня. — Мы хотим, чтобы только те, кого мы любим больше всего, видели, как мы поженимся. Родня Гилберта, мистер и миссис Аллан, мистер и миссис Харрисон...

— Было время, когда ты едва ли причислила бы мистера Харрисона к своим лучшим друзьям, — заметила Марилла сдержанно.

— Пожалуй, мистер Харрисон *не очень* расположил меня к себе во время нашей первой встречи, — согласилась Аня, улыбаясь своим воспоминаниям. — Но он заметно выиграл при более близком знакомстве, а миссис Харрисон — просто прелесть... Ну а еще, конечно, мисс Лаванда и Пол.

— Так они решили приехать сюда этим летом? Я думала, они едут в Европу.

— Они передумали, когда я написала им, что выхожу замуж. Я получила сегодня письмо от Пола. Он говорит, что просто *должен* приехать на мою свадьбу, что бы ни случилось от этого с Европой.

— Ты всегда была кумиром этого ребенка, — заметила миссис Линд.

— Этот «ребенок» теперь — девятнадцатилетний молодой человек!

— Как время летит! — Таков был на редкость остроумный и оригинальный ответ миссис Линд.

— И Шарлотта Четвертая, возможно, приедет вместе с ними. Она передала через Пола, что приедет, если ее отпустит муж. Интересно, носит ли она по-прежнему свои огромные голубые банты и называет ее муж Шарлоттой или Леонорой. Я очень хотела бы, чтобы Шарлотта присутствовала на моей свадьбе. Мы уже были с ней вместе на одной свадьбе давным-давно. Они рассчитывают уже на следующей неделе быть в Приюте Эха... Ну а еще Фил и его преподобие Джо...

— Ужасно, что ты так говоришь о священнике, Аня, — строго сказала миссис Линд.

— Так его называет жена.